

Глава 1168: Внезапно обернув голову, я нахожу того человека под тусклым светом*

Сюаньюань По ослабил хватку.

Тяжелое дерево рухнуло на землю, разбрасывая воду.

Аллея Сотни Цветений затихла.

Солдаты-повстанцы в шоке уставились на рослую фигуру перед собой.

В глазах Тяньхай Шэнсюэ была видна улыбка, но и оттенок грусти. У учителей и студентов Ортодоксальной Академии за ним, однако, были только восхищение и уважение на лицах.

Сюаньюань По был невероятно известным, в основном потому, что в его истории была легендарная характеристика. По мнению многих людей, она уступала только Попу Чэнь Чаншэну.

Десяток лет назад он был молодым гением оборотней, которого высоко ценила Забирающая Звезды Академия, но так как Тяньхай Я'эр покалечил его правую руку, он решил покинуть академию несмотря на попытки разубедить его. Зарабатывая на жизнь, моя посуда в ночном рынке столицы, он был подобран Чэнь Чаншэном и Лоло, попав в Ортодоксальную Академию. Он пришел еще раньше, чем Танг Тридцать Шесть, и стал началом возрождения Ортодоксальной Академии.

Несколько лет спустя, в перевороте Мавзолея Книг, Чэнь Чаншэн и Ортодоксальная Академия осаждались штормами. Сюаньюань По вернулся в Город Белого Императора в поисках помощи, но его усилия не принесли успехов. Он решил работать в маленькой таверне в одном из районов нижнего города Города Белого Императора. Многие люди ошибочно приняли это за трусость, и он пострадал от бесчисленных косых взглядов и насмешек, но ни разу не спорил.

Только во время церемонии Небесного Избрания, когда Мадам Му попыталась отдать Лоло замуж за Лорда Демонов, Сюаньюань По наконец-то вышел на платформу для сражений, используя свою личность студента Ортодоксальной Академии. Начиная с самой далекой платформы для сражений в нижнем городе, он начал выигрывать матч за матчем, в итоге выиграв девять матчей подряд. Ему удалось достичь последнего раунда, и хотя он в конце проиграл Лорду Демонов, его действия все еще шокировали два берега Красной Реки, а также весь остальной континент.

С тех пор прошло десять лет, и этот член семьи Ортодоксальной Академии сейчас был прославленным генералом оборотней. В чистой боевой силе он даже был сильнейшим из них. Вестник Небесного Грома, которому Чэнь Чаншэн обучил его, и стиль кулака, который Бе Янхун передал ему, смешались вместе, приводя к силе, с которой даже Чжэсю не пожелает столкнуться лицом к лицу!

.....

.....

Все верили, что Сюаньюань По был снаружи Города Сюэлао, ведя армии оборотней против демонических солдат в противостоянии жизни и смерти. Никто не ожидал, что он появится в Ортодоксальной Академии, но после мгновения раздумий можно было догадаться, что он, вероятно, скрылся в Армии Умиротворения Севера и тайно проник в столицу.

Принц Чэнь Лю подумал об определенной возможности, из-за чего его лицо еще больше побледнело, и казалось, что он хотел предупредить войска восстания на периметре.

Сияние меча осветило осенний дождь, атакуя Принца Чэнь Лю.

Это сияние меча было весьма уникальным. Оно не было нормального белоснежного цвета, ему не хватало острия, и оно определенно не было холодным. Наоборот, у него была аура летней жары.

Рукав Принца Чэнь Лю полетел, и он обнажил гибкий меч. Ему почти удалось заблокировать сияние меча, но его тело было отброшено назад. Ударяясь о каменную стену, он был лишен сознания.

Правая рука Сюаньюань По давным-давно вернула свой начальный облик. Он держал толстый и тяжелый меч в руке: Меч Горного Моря.

Принц Чэнь Лю однажды был частым гостем в Ортодоксальной Академии, так что Сюаньюань По, естественно, узнал его. Он, вероятно, спросил его 'кто ты?' только из злости.

Ты и правда посмел уничтожать Ортодоксальную Академию?!

«Всякий, кто посмеет сделать хотя бы шаг в Ортодоксальную Академию, будет убит без исключения!»

Тяньхай Чэньву вышел из разрушенного ресторана, передняя часть его одежды была в крови.

Он изначально планировал спасти Принца Чэнь Лю, но когда увидел Меч Горного Моря в руке Сюаньюань По, он немедленно передумал и повел отпрыска клана Тяньхай в отступление с аллеи.

Когда они были на краю Аллеи Сотни Цветений, Тяньхай Чэньву не смог сдержаться и обернулся, окинув последним взглядом ворота Ортодоксальной Академии.

Из-за света факелов и завес дождя фигура Тяньхай Шэнсюэ была немного неразборчивой.

Тяньхай Чэньву мысленно вздохнул.

Он считал себя безупречным интриганом, жестоким и безжалостным, тем, кто доводил слова 'толстый' и 'черный' до предела, тем, кого не беспокоило, что его будут звать гнусным оппортунистом. Поэтому клан Тяньхай неизбежно продолжит выживать в опасном политическом климате, и если он столкнется с какой-либо возможностью, клан Тяньхай даже сможет поприветствовать второй золотой век.**

Но, в конце концов, он полностью проиграл. С другой стороны, его невежественный сын не делал ничего, кроме как вел себя согласно своей натуре, но он всегда оказывался на победной стороне. Были ли слова его тети правдой? Все тщательно созданные планы ошибаются? Но почему?

.....

.....

Армия Умиротворения Севера начала сражаться с повстанческой армией снаружи Ортодоксальной Академии. Прошло долгое время, прежде чем звуки сражений под мрачным

небом наконец-то прекратились.

Это было довольно близкое место к Имперскому Дворцу, отделенное только одной Ортодоксальной Академией, одним Садам Сотни Трав. Но, возможно, потому, что леса были слишком пышными, или из-за массива, Имперский Дворец не слышал большей части сражений, только неясные крики.

Имперский Дворец в темноте был холодным и заброшенным. Если посмотреть вниз с Платформы Росы, будет невозможно увидеть ни одного человека.

Только при внимательном наблюдении можно было обнаружить, как много служанок и евнухов скрывалось в чердаках, кустах у бассейнов, и далеких угловых комнатах.

У этих служанок и евнухов были бледные лица, а их тела дрожали в страхе.

Но они скрывались здесь вместо защиты императора в главном холле не потому, что боялись, а потому, что им было так приказано.

В главном холле Имперского Дворца было много Ночных Жемчужин. Хотя их было меньше, чем на Платформе Росы и в пещере под Новым Северным Мостом, их было достаточно, чтобы осветить холл, как будто сейчас было дневное время.

Занавес раскачивался, разбрызгивая свет Ночных Жемчужин, как снежинки. К сожалению, никто не был в настроении наслаждаться этим зрелищем.

Министры, которых вел Великий Наставник Бай Ин, смотрели на ту фигуру, стоявшую у входа. Их лица были картиной шока и ярости.

«Миром необходимо править с благожелательностью и праведностью, а Имперский Двор - это тоже часть мира. Мои приемные сыновья поняли мои мысли, скрывая тех жалких детей, чтобы избежать вреда от солдат в эту ночь. Это тоже можно считать благожелательным и праведным действием. Если бы мать Вашего Величества смогла понять это, разве была бы необходимость хоронить ее в Саду Сотни Трав, а не с Императором Сянем?»

Взгляд Евнуха Линя прошел по лицам Великого Наставника Бай Ина, министрам, стражам, в итоге падая на высочайшее место.

Там стояли Мо Юй и Принц Лоуян, охраняя человека за ними. Был виден неясный мазок яркой желтизны.

«Снаружи дворца могут возникнуть какие-то проблемы, но они не важны, потому что это самое важное место во всей Великой Чжоу. И я слишком долго жил в Имперском Дворце, гораздо дольше, чем вы все, вместе взятые... Для меня будет вовсе не сложно остановить Имперский Проект. Надеюсь, что Ваше Величество может понять».

Кто бы мог ожидать, что Евнух Линь, прославленный по всему континенту за свою преданность правителю и его благочестие, станет внутренним агентом повстанческой армии и поможет Принцу Сяню сломать Имперский Проект!

Великий Наставник Бай Ин сделал два шатких шага вперед и сказал Евнуху Линю: «Линь, мой старый друг, я работал с тобой более двухсот лет и хорошо осознаю, кто ты. То, что ты все еще вспоминаешь тех низких евнухов и служанок в это время, означает, что твоя репутация не поддельна, так почему ты идешь на это предательство?»

Евнух Линь ответил: «Как действия настоящего человека можно взвесить репутацией?»

Он был евнухом, но всегда считал себя настоящим человеком. Более того, никто в мире не смел сомневаться в нем, и даже сейчас все еще было очень сложно сомневаться в нем.

Великий Наставник Бай Ин спросил с пораженным горем голосом: «Ты намереваешься стереть свою репутацию преданного министра?»

«Я все еще преданный министр, но я предан Императору Сяню».

Евнух Линь посмотрел на ту фигуру, располагающуюся в самой высокой точке, скрытую за стражей, и сказал: «Ваше Величество, я также глубоко уважаю вас, и вы даже нравились мне больше и больше. К сожалению, вы - все еще сын той женщины, так что, чем больше я уважаю вас, тем меньше я уважаю себя. Чем больше вы мне нравитесь, тем меньше я нравлюсь себе. Так что, пожалуйста, простите этого старого министра за это оскорбление».

Эти слова было довольно сложно понять. Только Мо Юй поняла их, потому что она была женщиной, презренно смеясь.

Евнух Линь проигнорировал ее смех и сделал шаг вперед.

Стражи нервно начали обнажать клинки.

Принц Лоуян с бледным лицом и стекающим со лба потом постоянно твердил: «Что делать?» Что делать?»

Но он все еще не опустил руки. Он был невероятно сильно настроенным, защищая человека за собой, как старая курица, защищавшая цыпленка.

Мо Юй была в некотором раздражении от его болтовни, но ее сердце обмякло, когда она увидела, как он нервничал. Она мягко сказала: «Когда ситуация станет грязной, возьми Его Величество и беги».

Принц Лоуян замер, а затем повернулся к ней и спросил: «В то место, которое ты упомянула прошлой ночью?»

Мо Юй ответила: «Ох, какой же ты глупый. Я вчера говорила тебе двадцать раз. Ты все еще не запомнил?»

Принц Лоуян вдруг заплакал: «Я запомнил, но не хочу оставлять тебя здесь».

Имперский Проект был сломлен, и два эксперта Божественного Домена, Принц Сян и Цао Юньпин, могли появиться в любое время. Император должен был уйти заранее по секретному туннелю.

Мо Юй должна была остаться, чтобы остановить Евнуха Линя, а также привлечь внимание другие. Можно было запросто представить, какой конец ждал ее.

Мо Юй и Принц Лоуян говорили довольно мягким тоном. Кроме них, только тот человек за ними мог слышать их разговор.

Но в этот миг снаружи холла внезапно пришла оценка их разговора.

«Настоящая любовь только может существовать потому, что она истинная, потому что она

искренняя, без малейшей хитрости или лжи. Ты и правда студент, лично обученный Имперской Матерью. Великая Леди Мо, я и правда восхищаюсь вами».

Принц Сян вошел в холл.

Он сказал с ностальгией: «Тогда, когда я думал о тебе, растущей с Маленьким Лю, я написал письмо Имперской Матери, прося, чтобы вы двое были помолвлены. К сожалению, Имперская Мать не согласилась».

Цао Юньпин появился за ним, держа руки за спиной и осматривая холл, иногда говоря 'неплохо'. Он был похож на какого-то старого служащего из Министерства Доходов на пенсии, восхищающегося полями бататов.

Принц Сян больше не был поглощен прошлым: «Евнух Линь прав. Даже если мы полностью проиграем снаружи, какое это имеет значение? Будет достаточно, если мы просто выиграем здесь. Если я смогу сидеть на том стуле, даже Горе Ли или Дворцу Ли придется уважать меня, так о чем мне беспокоиться?»

Мо Юй ответила: «Ваше Высочество, твердо сидеть на том месте никогда не было простой задачей».

«Никто из вас не заметил, насколько худым я стал в десять прошлых лет?»

Руки Принца Сяна лежали на поясе, поглаживая живот, выпирающий из-за пояса, пока он горько улыбался.

Его улыбка исчезла, когда его взгляд направился в самое высокое место: «У меня нет сожалений насчет постепенно ослабевающего пояса. Ваше Величество... Братец, почему бы не позволить мне сесть на то место?»

.....

.....

«По... правде... я...никогда...не...хотел...сидеть...на этом месте».

В тихом холле послышался голос.

Первые два слова были произнесены с большим трудом, как будто говорил ребенок, который только учился разговаривать.

В последующих словах произношение говорящего заметно улучшилось. Хотя речь определенно не была гладкой или связной, слова уже не звучали странными, только невероятно медленными и разделенными паузами.

Причиной этого было то, что этот человек не говорил много, много лет.

* Строка из поэмы '□□□·□□' поэта Южной Династии Сун, Синь Цицзи.

** 'Толстый' и 'черный' ссылаются на философский трактат, опубликованный Ли Чзунъю в 1911. 'Толстый' ссылается на толстокожее лицо, означая бесстыдство. 'Черный' ссылается на черное сердце, означая безжалостность.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/364153>